

**ПРОЗА А.С.ГРИНА КАК СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО
(на материале романа «Золотая цепь»)**

В статье предложено рассмотрение прозы А.С. Грина как сверхтекстового единства особого рода, каждый отдельный текст в котором вовлечен в сложную систему межтекстовых связей (интертекстуальных и автоинтертекстуальных). На примере романа «Золотая цепь» (1925) рассматриваются способы включения произведения в контекст сверхтекстового единства прозы А.Грина посредством цитации, автопересказа и дописывания сюжета произведения в творческой лаборатории писателя.

А.С.Грин, подобно А.С.Пушкину, Н.В.Гоголю, Л.Н.Толстому, А.Белому и другим писателям «бетховенского» типа [1. С.5], любил создавать варианты произведений, «продолжать» свои тексты или «писать от литературного образца» [2. С.652]. Процесс автокоммуникации — неотъемлемая часть творческой лаборатории А.Грина, подтверждением чего является существование отдельных произведений писателя в разных формах или редакциях: жанровой, текстуальной, в виде фрагмента/части произведения и в качестве отдельного произведения или под разными заглавиями. Примером произведения, претерпевшего жанровые трансформации, является роман «Сокровище африканских гор» (1925), переделанный А.Грином в повесть для юношества «Вокруг центральных озер» (1927). В виде разных редакций существует, например, рассказ «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914), текст которого специально переделан А.Грином для авторского сборника «Искатель приключений» (1916). Рассказы «Ночная прогулка» (1915), «Интермедия» (1912), «На американских горах» (1915), «Событие» (1909), «Вечер» (1910), «Арвентур» (1910) печатались Грином с 1909 по 1915 годы в периодике, а затем были объединены в цикл «Наследство Пик-Мика» (1915). Показательным для художественной системы А.Грина является существование текста в двух формах — стихотворной и прозаической, как, например, рассказ в стихах «Ли» (1917).

Работа А.Грина над образами, типажам, сюжетами, «дописывание» из текста в текст пространства так называемого Гринлэнда (по определению самого писателя) находят отражение в своеобразии

* © Парамонова Т.А., 2008

Парамонова Татьяна Александровна — кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного педагогического университета

прозы А.Грина, для которой характерны ассоциативность, музыкальность [3. С.14-17], многоуровневая система повторов, на что указывали многие исследователи, в том числе В.Е.Ковский. По его утверждению, между произведениями А.Грина намечаются «тематические, образные, ситуативные переклички: рисуются однородные по тону пейзажи, упоминаются одни и те же города, повторяются имена действующих лиц, делаются ссылки на прежние сюжеты, намечаются будущие» [4. С.259]. М.И.Саидова указывает на особенность поэтики прозы А.Грина, обращая внимание на «стиль свободного порядка» новелл писателя, сущность которого заключается, с точки зрения исследователя, в «ассоциативно-произвольной связи компонентов изображаемого» [5. С.10].

В воспоминаниях Нины Грин приводятся слова Александра Степановича: «Допишу рассказ, и словно нити, хотя бы паутинные, а тянутся к новому рассказу, теме» [6. С.78]. Это высказывание писателя очень точно характеризует поэтику его прозы, в сверттекстовом единстве которой «...неясное, — по словам самого А.Грина, — зыблется, рассыпается в арабески» [7. С. 371].

Произведения А.С.Грина объединяются разветвленной системой межтекстовых связей (интертекстуальных и автоинтертекстуальных), повышенный коэффициент проявленности которых позволяет говорить о прозе А.С.Грина как о сверттекстовом единстве особого рода, каждый отдельный текст в котором сохраняет в памяти другие произведения.

Каждый текст А.Грина превращается в «зодчество из рассказов» [8. С.117], уподобляется по форме «открытому произведению» (У.Эко) [9. С. 61], адекватное восприятие которого оказывается невозможным без обращения к комплексу присутствующих в нем интертекстуально произведений. Функционирование элементов персонального сверттекста прозы А.С.Грина актуализирует в его творчестве тенденции «консолидации», т.е. образование художественных единств различного уровня в рамках авторского сверттекстового единства, когда «<...> отдельное произведение становится частью макротекста <...>», пытается обрести контекст [10. С.12].

«Золотая цепь» (1925) — «роман авантюрный, написанный в традициях Стивенсона и одновременно классического романа воспитания» [11. С.304]. Жанровая природа этого произведения получила в филологической науке разные интерпретации и до сих пор вызывает споры исследователей. Н.А.Кобзев и Т.Е.Загвоздкина считают, что «Золотая цепь» включает «элементы европейского «романа-воспитания», основанного на мотиве бегства героя из дома, и сказочной структуры [12. С.68]. В.Е.Ковский и А.Варламов указывают на авантюрно-приключенческий характер «Золотой цепи» [11. С.304]. Роман целесообразно рассматривать и в контексте «авантюрного» романа начала XX века (1920-х годов), в жанре которого работали М.Булгаков, А.Тол-

стой, В.Катаев, И.Эренбург, К.Паустовский и другие авторы [13. С.76-130]. Е.Н. Иваницкая обнаружила в фабуле этого гриновского сочинения целый ряд несоответствий и даже откровенных противоречий, в связи с чем «Золотая цепь» рассматривается ею как «роман-насмешка», «роман-мистификация» [14. С.42-43]. По мнению Дарьи Менделеевой, «Золотая цепь» — первый гриновский «роман, где нет чуда», своего рода «антифеерия» [15].

Роман написан в 1925 году и публиковался частями первоначально в журнале «Новый мир» (№8-11, 1925) как «серийный», «фельетонный роман», которые обрывались на самом интересном месте. В этом же году вышло отдельное, «значительно переработанное» издание [16, IV. С.472].

Несмотря на то, что появление романа «Золотая цепь» (1925) вызвало неодобрительные отзывы критиков («никому ненужная книга» [17. С.31], «далеко не лучшее из произведений Грина» [18. С.11], произведение, которое «в общей эволюции романтического героя в 20-е годы <...> не занимает сколько-нибудь заметного места» [19. С.136]), обращение к роману «Золотая цепь» актуально в аспекте проблемы сверттекстового единства прозы А.С.Грина. Текст «Золотой цепи» вовлечен в сложную систему межтекстовых связей, включая, с одной стороны, ссылки на ранее написанные А.Грином тексты, а с другой — являясь претекстом для построения новых произведений. Рассмотрим процесс автокоммуникации произведения в художественной системе А.С. Грина.

Обратимся к автоинтертекстуальности романа, к способам включения произведения в контекст сверттекстового единства прозы А.Грина посредством цитации, автопересказа и дописывания сюжета «Золотой цепи», определив отдельные аспекты автокоммуникативности романа — функционирование сюжета, локусов и топосов романа, героев.

Для творчества Грина характерны метатекстовые («текст о тексте») конструкции, когда в произведении содержится пересказ другого произведения или упоминание о нём, как пишет Н.А.Фатеева [8. С.142]. Например, в рассказе «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914) герой-писатель Коломбо работает над произведением, к сюжету которого А.Грин обращается в рассказе «Карнавал» (1918). В.Е.Ковский указывает на два подобных примера. Эпизод рассказа «Вокруг света» (1916) содержит сюжет будущего произведения А.Грина — «Новогоднего праздника отца и маленькой дочери» (1922). Герой рассказа «Рай» (1909) читает другой рассказ А.С.Грина — «Приключение» (1908) [4. С.259].

Роман «Золотая цепь» (1925) также содержит ссылки к произведениям А.Грина. Так, во время пребывания Дюрока и Санди в доме Молли Варен на Сигнальном Пустыре герой-инвалид, некогда служивший матросом, вспоминает о бунте на корабле «Альцест»: «Когда

был бунт на «Альцесте», я открыл *такую* пальбу (выделено мною. — Т.П.), что все легли брюхом вниз» [16, IV. С.71]. История этого бунта изложена в написанном ранее рассказе А.Грина «Бунт на корабле «Альцест» (1923).

«Золотую цепь» характеризует пространство созданного А.Грином мира, образ которого создается через описание его составляющих, в том числе Лисса, Зурбагана, Сан-Риоля и других индивидуально-авторских локусов и топосов.

Лисс часто упоминается в прозе А.Грина. Этот город появляется в рассказах «Победитель» (1925), «Молчание» (1930), феерии «Алые паруса» (1923), романах «Блистающий мир» (1923), «Бегущая по волнам» (1928), «Джесси и Моргиана» (1929), «Дорога никуда» (1930) и других произведениях, в том числе в заглавиях рассказов «Состязание в Лиссе» (1921) и «Корабли в Лиссе» (1922).

Образ Лисса дорисовывается писателем и в романе «Золотая цепь»: уточняются детали и отдельные характеристики города. В романе подробно излагается легенда о Сигнальном Пустыре, являющемся окраиной Лисса, местом, в котором выросла Молли. Сигнальный Пустырь — предместье Лисса, называвшееся так «со старинных времен, когда города почти не было, а на каменных столбах мыса, окрещенного «Сигнальный Пустырь», горели ночью смоляные бочки, заживавшиеся, <....> как знак, что суда могут войти в Сигнальную Бухту» [IV. С.45]. Именно на Сигнальный Пустырь отправляются Дюрок, Эстамп и Санди разыскивать возлюбленную Ганувера.

Города Лисс, Зурбаган, Сан-Риоль, упоминающиеся в тексте, включают роман «Золотая цепь» и в контекст произведений, заглавия которых содержат элементы индивидуально-авторской топографии прозы А.Грина: «Зурбаганский стрелок» (1913), «Корабли в Лиссе» (1922), «Состязание в Лиссе» (1921), «Остров Рено» (1909), «Колония Ланфиер» (1910), «Трагедия плоскогорья Суан» (1912), «Синий каскад Теллури» (1912), «Убийство в Кунст-Фише» (1923) и другие. Знаки персонального сверттекста А.Грина создают, по определению Ю.М.-Лотмана, «кристаллическую решетку взаимных связей» [20. С.131] между произведениями, являясь «скрепами» сверттекстового единства прозы.

Элементы литературно-художественной реальности «Золотой цепи» появляются и вне текста романа. В этом случае «Золотая цепь» является претекстом произведений А.Грина.

Так, заглавие «Золотой цепи» цитируется в рассказах-эссе «Встречи и приключения», «Встречи и заключения» (1927) и в рассказе «Обезьяна» («Обезьяна Сопун») (1924).

Рассказ «Встречи и приключения» (1927) является своеобразным отчетом Грина о написанных произведениях, «текстом о текстах», на что делаются ссылки посредством цитации заглавий, введения в ткань рассказа героев или пространства ранее написанных произведений

А.Грина, что осуществляется посредством введения в рассказ собственно гриновских локусов. В рассказе читаем: «Самое сильное впечатление произвело на меня посещение Лисса, а в частности дворца Ганувера на мысе Гардена <...>» [VI. С.440]. Мыс Гардена — место, где происходили события романа «Золотая цепь». В цитате представлен еще один знак, отсылающий к претексту — дворец Ганувера, названный Дворцом Золотой цепи. Цитация заглавия произведения связана с введением в текст других элементов претекста: сюжета, героев, пространства, отдельных деталей. В рассказе «Встречи и приключения» герои «Золотой цепи» (Санди Пруэль, Дюрок, Молли) действуют наряду с персонажами произведений А.Грина: Ассоль, Капитаном Дюком, Дези, Летикой, Тави Тум, Друдом. Кроме романа «Золотая цепь» текст рассказа содержит ссылки на произведения А.С.Грина 1920-х годов: фее-рии «Алые паруса» (1923), романов «Блистающий мир» (1923), («еще не вышедший роман» [VI, 439]) «Бегущая по волнам» (1928) и рассказа «Пропавшее солнце» (1923). Эти произведения составляют ядро гриновского сверткостекста.

Вариации на тему «Золотой цепи» и заявленных в рассказе «Встречи и приключения» произведений представлены в виде: 1) автопересказа (комментирующей ссылки на претекст) или 2) дописывания «своего» текста (сюжета) [8. С.142-144]. В центре авторской рефлексии в рассказе оказываются сюжет, детали и герои «Золотой цепи», что достигается посредством автореминисценций, указаний на события романа, которые могут быть рассмотрены как пример комментирующей ссылки на претекст.

В рассказе «Встречи и приключения» читаем: «...я (т.е. автор-рассказчик. — Прим. Т.П.) снова представил, как она (т.е. Молли. — Прим. Т.П.) стремительно появилась тогда (курсив мой. — Т.П.), сказав в особой тишине полного гостями зала: «Я пришла, как обещала. Не печальтесь теперь» [VI. С.441]. Слово «тогда» указывает на появления Молли на вечере в замке Ганувера. В тексте рассказа находим другой пример ссылки на претекст: «...Дези (героиня романа «Бегущая по волнам». — Прим. Т.П.) тщетно ощупывала чешуйчатые колонны, добиваясь того эффекта (курсив мой. — Т.П.), какой описан в «Золотой цепи» [VI. С.440-441]. Имеется в виду эффект падения стен, подробное описание которого приводится в романе.

Примером дописывания сюжета «Золотой цепи» в рамках авторского сверткостекстового единства является обращение А.Грина к сюжетам героев этого романа или продолжение отдельных эпизодов произведения. Санди Пруэль в романе мечтательный шестнадцатилетний юноша, почти мальчик, который любит читать, мечтает стать капитаном и дал клятву «никогда не жениться» [IV. С.98]. Повествование в романе ведется от лица уже повзрослевшего героя, который в эпилоге указывает на развитие сюжетных линий отдельных персонажей, в том числе, «забегая» вперед, сообщает о своей судьбе: «Знал ли я тогда, что

вижу свою жену? Такую беспомощную, немного повыше стула?!» [IV. С.124]. В рассказе «Встречи и приключения» герой «...теперь (здесь и далее курсив мой. — Т.П.) здоровый 28-летний лейтенант флота», который сообщил автору-рассказчику, «что осенью состоится его брак с другой Молли — дочерью бывшего слуги Ганувера — Паркера» [VI. С.440].

В случае цитации автор подчеркивает временные и/или пространственные оппозиции (тогда — теперь; там — здесь; еще — уже) между романом «Золотая цепь» и этим произведением в контексте рассказа «Встречи и приключения», в котором представлены своеобразные вариации с продолжением на тему «бытия текста и его героев» после формального завершения сюжета «Золотой цепи» и произведений 1920-х годов, составляющих ядро сверхтекста А.Грина.

В рассказе А.Грина «Обезьяна» (1924) также представлена проекция романа «Золотая цепь». Рассказ «Обезьяна» входит в сборник «Брак Августа Эсборна» (1927) и опубликован впервые под заглавием «Обезьяна Сопун» до выхода в свет романа «Золотая цепь» (1925), над которым А.Грин начал работать уже в 1924 году. В этом рассказе представлен другой способ включения произведения в контекст сверхтекстового единства прозы. В рассказе «Обезьяна» говорится о «постановке» «Золотой цепи». Возможно, у А.Грина первоначально был замысел одноименной пьесы. Герой рассказа Юлий Гангард, «натуралист и путешественник» [VI. 307], рефлексировал по поводу третьего действия «Золотой цепи», «поставленной после продолжительного перерыва в Сан-Риольском театре <...> [VI. С.307]». В ткань рассказа вплетены автоцитаты и ссылки на текстовую реальность «Золотой цепи», индикаторами чего являются имена героев романа: Ганувер, Молли, Диге, слова-маркеры «тот», «такой», «тогда», автопересказ:

«Это был как раз *тот момент* (здесь и далее курсив мой. — Т.П.), когда, по пьесе, смертельно раненый *Ганувер* падает и лежа протягивает руки к *Диге*, принимая ее за *Молли*» [VI. С.307-308]. Этот кульминационный эпизод «Золотой цепи» повторяется в рассказе. Эпизод заявлен в начале текста — Гангард наблюдает за постановкой пьесы «Золотая цепь». Второй раз — герой обсуждает постановку эпизода с Бутсом, актером, играющим Ганувера. В третий раз — Гангард сравнивает поведение обезьян в лесу с игрой актеров: «Когда Молли, — <...> артистка Эмилия Аренс, прибегает к раненому Гануверу и поднимает его, <...> я вижу, что ее драматический момент в точности совпадает <...> с поведением той обезьяны, которая спустилась с дерева» [VI, С. 311]. Метатекстовый характер рассказа «Обезьяна» подчеркивается и элементами метаописания: сцена, пьеса, герои, актеры. Актеры Бутс и Эмилия Аренс играют героев «Золотой цепи» Ганувера и Молли. Повторение эпизода романа «Золотая цепь» организует сюжет рассказа.

За счет цитации элементов претекста «Золотой цепи» создается связь между произведениями. Кроме названных проекций «Золотой цепи»

можно указать и авторский сценарный набросок «Золотой цепи» для кино, упоминание о котором содержится в работе В.Е.Ковского «Романтический мир А.Грина» [4. С.205].

Заимствуя элементы ранее написанных произведений, которые представлены в романе на разных уровнях (жанровом, сюжетном, стилевом и проч.), «Золотая цепь» становится и претекстом для последующих произведений А.Грина. Роман оказывается вовлечен в контекст сверткостового единства прозы А.Грина, что находит отражение в многоуровневой системе автоинтертекстуальных связей между произведениями этого писателя.

Библиографический список

1. Кубарев, Е.М. Сопоставительная интерпретация языка художественной литературы: учебное пособие к спецкурсу / Самар. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева / Е.М.Кубарев. — Самара: Издательство СамПИ, 1991. — 136 с. Е.М.Кубарев предлагает выделить два типа творчества: «моцартовский, при котором автор сразу фиксирует готовый текст; и бетховенский, когда в рукописи автора наглядно видим все «муки творчества», с бесконечными перечеркиваниями и исправлениями» [1. С.5]. Для писателей второго типа характерно создание многочисленных редакций и вариантов произведений.
2. Ревякина, А.А. Примечания // Грин А.С. Собр. соч.: в 5 т. Т.2. Рассказы 1913 -1916 / Сост. с науч. подгот. текста Л.Михайловой; примеч. А.Ревякиной. — М.: Художественная литература, 1991. — Т.2. — С. 633 — 653.
3. Максимова, О.Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: автореф. дис... канд. филол. наук / О.Л.Максимова. — Вологда, 2004. — 21 с.
4. Ковский, В.Е. Романтический мир Александра Грина / В.Е. Ковский. — М.: Наука, 1969. — 296 с.
5. Саидова, М.И. Поэтика А.С.Грина (На материале романтических новелл): автореф. дис... канд. филол. наук / М.И.Саидова. — Душанбе, 1976. — 23 с.
6. Грин, Н.Н. Воспоминания об Александре Грине. Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма / сост., подг. текста, коммент. Н.Яловой, Л.Варламовой, С.Колотуповой. — Феодосия / Н.Н. Грин; М.: Издат. дом «Коктебель», 2005. — 400 с.
7. Грин, Н.Н. Из записок об А.С. Грине // Воспоминания об Александре Грине / Сост., подг. текста, вступл., прим. Вл. Сандлера. — Л.: Лениздат, 1972. — С. 322 — 404.
8. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А.Фатеева. — М.: Агар, 2000. — 280 с.
9. Эко, У. Открытое произведение [Текст]: форма и неопределенность в современной поэтике: [пер. с итал.] / У. Эко — СПб.: Акад. проект, 2004. — 381 с.
10. Пономарева, Е.В. Русская новеллистика 1920-х годов (основные тенденции развития): автореф. дис... д-ра филол. наук / Е.В.Пономарева. — Екатеринбург, 2006. 39 с.
11. Варламов, А.Н. Александр Грин/ А.Н.Варламов. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 452 с. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 919).

12. Кобзев, Н.А. Поэтика прозы Александра Грина: монография / Н.А.Кобзев, Т.Е.Загвоздкина. — Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2006. — 160 с.
13. Черняк, М.А. Феномен массовой литературы XX века: монография / М.А. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. — 308 с.
14. Иваницкая, Е.Н. Мир и человек в творчестве А.С. Грина / Е.Н.Иваницкая; отв. ред. Т.О.Осипова. — Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. — 65 с.
15. Менделеева, Д. «Возвращенный ад» Александра Грина / Д. Менделеева. — Режим доступа: <http://lit.1september.ru/2004/23/6.htm>
16. Грин, А.С. Собр. соч.: в 6 т. / В.Ковский, Вл.Россельс, Е.Прохоров; под общ. ред. Вл.Россельса. — М.: Правда, 1980. Далее ссылки на это издание приводятся в квадратных скобках: римская цифра — том, вторая — номер страницы.
17. Дерман, А. Рец. на кн.: А.С.Грин. Золотая цепь / А.Дерман // Книга и профсоюзы. Бюллетень библиографии и книгоиздательского дела. — М., 1927. — № 9. — С.30-31.
18. Фрид, Я. Рец. на кн.: Грин А.С. Золотая цепь / Я.Фрид // Литературное обозрение. — 1940. — №1. — С.10-18.
19. Кобзев, Н.А. Роман Александра Грина: Проблематика, герой, стиль / Н.А.Кобзев. — Кишинев: Штиинца, 1983. — 139 с.
20. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: кн. для учителя / Ю.М. Лотман— М.: Просвещение, 1988. — 348 с.

T.A. Paramonova

**A.GRIN'S PROSE AS A SUPERTEXT UNITY
(based on the novel «Zolotaya tsep'» («Golden chain»))**

The author of this article proposes to consider the Grin's prose as a special type of the supertext unity, every separate text in which is drawing in the complicated system of intertextual and autointertextual bonds. Basing on the novel «Zolotaya tsep'» (1925) the author views the methods of the work's inclusion into the supertext unity context of the prose by Grin (with the aid of quoting, autoretelling and plot finishing writing in the writer's creative laboratory).

Статья принята в печать в окончательном варианте 14.01.08 г.